

ГЛАВА 1

ЧАС Ц

Никем не любимый ребенок перестает быть ребенком:
он лишь маленький беззащитный взрослый.

Жильбер Сесброн

Мать не заглянула, лишь отдернула рваную шторку. Я увидела только пальцы, сжавшие ткань.

— Сколько можно сидеть без толку? Время тянешь.

Я открыла и закрыла стульчак, спустила воду, чтобы не подтверждать ее догадку.

— Не переводи воду зря! — зашипела мать.

Громыкнули тарелки, она сбила их боком. Я сжалась: сейчас она разразится проклятиями. Много мелких обидных слов или два-три колющих удара, смотря на сколько осколков разбилась посуда. Но мама хмыкнула. То ли упала кастрюля, то ли она решила не ругаться в день церемонии.

Я аккуратно расправила изъеденную временем занавеску, отделяющую туалетную зону от кухонной. Мама стояла ко мне спиной, я почти задевала носом ее шею. За маленькой плитой располагались спальные места — четыре полки. Внизу — мамина, дальше по мере появления детей: Тома, Макса, Марка — и моя верхняя. Перед сном я отковыривала вздувшуюся от сырости краску, просыпалась вся в пыли и плесени. Я сбегала из нашей крохотной комнаты при любом удобном случае, но сегодня предпочла бы забраться на полку и ковырять гнилой потолок, чтобы спрятаться в перегородке между этажами.

— Можно я останусь?

— Все собрались. — Мама сделала вид, что не услышала вопроса. — Ты и так заставила нас ждать. Опоздаем — я не стану прикрывать тебя. Распределители не жалуют опозданий. Они лишат нас награды.

— Может, я не подойду.

— Подойдешь.

Мама даже не обернулась. Она гремела четырьмя тарелками, кастрюлей и гнутой сковородкой без ручки, а казалось, что повелевала громом.

— Ты знаешь результат?

— Я не могу одна тащить четверых, хватит, устала.

Я присидела за шторой все утро. Надеялась, что мама поддержит меня. Заглянет, возьмет за руки или обнимет, скажет что-нибудь вроде «все будет хорошо», «ты поможешь семье» или «я люблю тебя», соврет. И этим придаст мне сил. Но она никогда мне не врала. Кидала правду в лоб грязной тряпкой, плевком, насмешкой. Она устала и отдала меня распределителям, вот откуда уверенность, что я пройду.

Я поспешно обулась, не хотела неловкими движениями вызвать ее гнев. Мать давно сняла самую нижнюю полку, папину. Туда уместилась наша обувь, там же стояла корзина, которую наполняют продуктами, когда я пройду распределение. Мы шли мимо распахнутых дверей соседских комнат. На церемонию семьи собирались заранее. Одни торопились увидеть сверкающий транспортник, вылетающий из брюха Ковчеха. Другие тряслись возле детей, сдерживая слезы. Мама плыла между соседями, вскинув голову, они расступались перед ней, она не скрывала радость — наконец избавится от меня.

Я заняла свое место в колонне детей, выбранных по предварительным анализам. Мама присоединилась к сыновьям. Том помахал мне, Макс одернул его, Марк самозабвенно ковырял в носу.

«Они уже простились со мной», — поняла я. Сердце жалось, спряталось за ребра.

Колонна поползла между домами. Они походили друг на друга, кривобокие близнецы, лишённые кусков стен, крыш, совершенно забывшие, что в окнах были стекла. Я могла по памяти назвать, в каком доме, на каком этаже отсутствуют ступени лестниц. Беззубые пролеты я перепрыгивала с закрытыми глазами, раскачивала скрипучие перила, подглядывала в щели дверных проемов.

Я знала каждого на нашем островке, выросшем грибной колонией посреди изуродованных Катаклизмом полей. Сейчас все эти люди стояли вдоль улиц, слившись с серыми стенами.

Мы двигались быстро, отставать не разрешали. Распределители подгоняли нас грубыми окриками, сверялись с данными на прямоугольных штуках — планшетах. Прозрачно-черные, чуть вогнутые, планшеты рябили цифрами. Я вытянула шею подсмотреть, что там за цифры. Почти все дети умели читать и писать, родители уделяли внимание базовому образованию, быстро сворачивая его годам к десяти, когда дети достаточно крепки, чтобы помогать взрослым на полях. Мы собирали урожай серых овощей и считали количество гнилых и пригодных к пище, высаживали бледные травы и повторяли буквы в их названиях, копали колодцы и писали пальцем в пыли свои имена. Но без учебы не оставались, к нам с небес спускались учителя в белых обтягивающих термокостюмах и передавали знания. Которых, правда, всегда оказывалось мало.

В рядах светящихся цифр из планшетов я ничего не поняла. Один из распределителей заметил мой взгляд, поэтому я быстро опустила голову, пока он не замахнулся или не достал шокер.

Из последнего дома в колонну вытолкнули лохматую девочку. Толстые растрепанные косы колотились по спине, мать подтащила ее, сопротивляющуюся, упирающуюся обеими ногами, к концу шеренги, разжала пальцы, умчалась прочь. Я заметила, как она терла глаза. Женщина встала возле мамы, та посмотрела на нее с отвращением и поменялась местами с Максом. Слезы в нашей семье считались роскошью и слабостью. Если я плакала, мама грозилась не давать мне воды целый день.

Девочка издавала странные звуки, рвалась к своей матери. Распределители толкали ее обратно. Она заламывала руки, хныкала. Нас разделяло пять или шесть человек. Я узнала ее, она тоже заметила меня.

— О нет!

Я так надеялась, что распределение пройдет Хана. Но моя лучшая подруга стояла в толпе со своими родителями и украдкой помахала мне, когда я проходила мимо. Рядом с ней возвышался Том, он сбежал из-под надзора матери и теперь прижимался к Хане. Все говорили, у них любовь. Прекрасная пара, возможно, дадут здоровое потомство, если доживут до детородного возраста. Почему я решила, что и Хану постигнет моя участь? Мне хотелось разделить страх с кем-то родным, чтобы в неизвестности рядом оказалось плечо друга. Вместо этого в ухо уперся сопящий нос.

— Я! Я! — весело сообщила лохматая девочка.

Ее звали Магда. Вечно сопливая, едва складывающая слоги в слова, Магда — вот мое дружеское плечо. Она забыла о матери, вцепилась в мой локоть и висела так до самого ангара, в котором нас ждало завершение Церемонии.

Между собой дети называли Церемонию «час Ц». Произнести слово целиком не решались, по отсекам ходило суеверие, что произнести слово полностью — значит пройти отбор. Родители не разделяли детского суеверия, однако тоже старались не говорить страшное слово. Перед тем как отправить меня к распределителям, мама несколько раз, словно специально, сказала «Церемония». «Умойся, ты должна быть чистой для Церемонии». «Не смотри в глаза распределителям Церемонии, они не терпят наглости». «Главное, молчи. На Церемонии требуют соблюдать тишину». Она драла мне волосы щеткой, потерявшей бóльшую часть зубов, и повторяла это проклятое слово вновь и вновь. Для меня «Ц» значило особый стук сердца, будто оно забывало привычный ритм и начинало цыкать, отнимая последние остатки храбрости. «Тебя отобрали. Час Ц наступил. Теперь ты потерян. И тебя никто не будет искать». Навязчивая мысль, что нас отдадут на съедение жуткому монстру, не покидала меня. Я вошла в ангар, стряхивая со своей руки Магду, и оглянулась. Сопровождающие нас взрослые замерли в стороне, сбились в кучу. Глаза их сверкали, внезапно они все стали одним бледным испуганным лицом.

Колонну проверили. Поправили выбивающихся из ряда, оторвали от меня Магду. Шеренга полуголых детей выстроилась в длинном коридоре. Лампы гудели, заглушая дыхание страха. Магда подпрыгивала в нетерпении. Я видела, как дрожат ее руки, как она пытается приклеить их к бедрам и стоять ровно. Я уговаривала себя не оглядываться, забыть родные лица. «Моя подруга Хана больше мне не подруга». В животе опустело. Она выплечет воспоминания о нашей дружбе в облезшую подушку сегодняшней ночью. Я представила ее заплаканную, с опухшим носом. Слезы повисли на ресницах, я быстро вытерла глаза. Образ скорбящей Ханы вызвал предательскую дрожь в коленях. Сквозь охватившее меня волнение расслышала слабый голос, он утверждал, что я напрасно представляю Хану такой. Она быстро забудет меня, ведь у нее есть Том. Она свободна, ей незачем забивать голову мыслями обо мне.

«Ты не прав! — То, что это был мой собственный голос, мучило и заставляло колени дрожать сильнее. — Она любит меня и будет помнить. И я сберегу воспоминания, чтобы выжить».

Магда выхватила стопку вещей у распределителя прежде, чем тот отсчитал полный комплект. Она единственная улыбалась, дурочка. Не потому, что я ее не люблю, а потому, что Магда в самом деле дурочка. Такой родилась — абсолютно глупой и абсолютно счастливой. Бог, или природа, или кто-то там еще, кто допустил все происходящее с нашим миром, не дал ей мозгов, зато одарил умением радоваться без повода. Удивительно, что она вообще столько прожила. Родители тряслись над ней, это в моей семье оставалось трое мальчишек, а Магда — единственный ребенок.

— Иди, Магда! — шепнула я сквозь зубы. Она застыла в обнимку с комплектом.

— Платье. — Пузырь счастья лопнул на ее губах.

Заминки не позволялись, шокер бил под ребра. Магда согнулась пополам, уронила заветные тряпки, улыбка надломилась болью.

Помочь или не помочь? Мать всегда твердила, что жалость до добра не доведет. «Помяни мое слово, ты помрешь, помогая какому-нибудь глупцу». Глупец есть, смерти я боюсь меньше, чем того, что ждет впереди. Итог любой смерти известен, итог Церемонии предсказать нельзя. Шокер загудел во второй раз. Я наклонилась, сгребла вещи, впахнула комок куда-то в скрюченный живот, толкнула Магду вперед. Иди! Я засемила следом. Решения распределители принимали в доли секунды. Вроде я пока жива, значит, Магда не тот самый глупец или время не пришло.

У входа в дезинфектор нас отмечали галочкой на прозрачном планшете. В поселении есть один такой, не работающий со времен до Катаклизма. Его показывали, по рукам не пускали — вдруг заляпаем. Мы обходились переработанной серой массой, расплзающейся под локтями, именуемой бумагой. Работающие планшеты видели только у людей с Ковчега — спускаясь с небес на землю, они почти не смотрели на живущих здесь, не хотели отрываться от своих планшетов. В год прибывало около десяти групп с Ковчег. Учителя, проверяющие уровень знаний и просвещающие о событиях Катаклизма, но никогда не говорившие о том, какая жизнь была до него и что послужило ему причиной. «Мы все обязаны Ковчегу, поднявшемуся из огня и крови и подарившему надежду». Мы повторяли эту фразу снова и снова, учителя наслаждались нестройным хором. Медики, которые отделяли совсем больных от тех, кто мог выкарабкаться своими силами. На Ковчеге пользовались иными технологиями, точнее, у нас не существовало вообще никаких технологий, у нас все больные, небожители же не болели. Медики проводили предварительные анализы детям в возрасте одиннадцати-двенадцати лет, и, основываясь на них, распределители отбирали подростков в Ковчег. Медики часто выступали судьями, которые зачитывали список обвинений и отправляли нарушителей в шахты. Ковчег следил за нами — многоглазое чудовище, парящее в небе. В перечень нарушений входили: кража,

убийство, изнасилование и сомнения в Ковчеге. Последнее хуже всего. Сомнения в Ковчеге, попытки наброситься на прибывавших из его брюха, не допустить детей до отбора или выпросить лекарство приводили в шахты, где добывали, как мы думали, топливо для Ковчега, оттуда уже никто не возвращался. Хотя некоторые шли в шахты по собственному желанию — из-за тех же лекарств, совсем как наш папа, который сперва добровольно помогал больным из шахт, а позже остался в их плену навсегда.

Естественно, спускались и распределители, забирающие детей и вручающие их семьям свежие продукты, одежду и медикаменты.

«Дети бесценны. Наш долг — их спасти, — твердили нам учителя. — Мы предоставим им будущее, а их семьям — средства к выживанию». Все они являлись к нам с планшетами, бодрыми голосами и прямыми спинами. Мы встречали их разрушенными домами, настороженными взглядами и торжественным урчанием желудков.

В темноте комнатки, где нас оставили переодеваться, мы не видели друг друга, но жались, слеплялись в многорукое, дрожащее от страха существо. Судя по кряхтению, каждый пытался на ощупь попасть в штанины или рукава. Что-то мокрое прижалось к щеке, оставив прохладный след. Чьи-то слезы или слюни Магды? Над головами раздалось шипение. Заработали динамики, загорелись зеленые огни на полу. Они вели к толстой двери, тоже мерцающей зеленым.

— Я буду называть ваши имена. Названный незамедлительно направляется к двери. В случае задержки явится распределитель и ваш отбор будет считаться завершенным. Виктор.

От клубка тел отделился мальчик. Ноги подводили его, он спешил. Дверь открылась горизонтально, мы выдохнули в изумлении. Виктор шагнул в проем, и секции двери сомкнулись.

— Она его съела, — хихикнула Магда.

— Заткнись! — шикнула я.

Магду вызвали, когда нас оставалось четверо по углам небольшой комнаты. Она не хотела стоять одна у холодной стены, а я не встала рядом, и ей пришлось переминаясь с ноги на ногу, перебарывая желание подойти ко мне.

«Магда!» — прогремело над нами. В дверях она обернулась, хотя никто не оборачивался. Магда опять улыбалась, я впервые подумала, что она не глупая. Ее улыбка могла стать нашей поддержкой, но мы не осознали этого.

Я считала отобранных, пока ждала, перебирала по памяти имена. Двенадцать.

«В Ковчег попадут только восемь человек. У тебя есть шанс, это твое число», — говорил мне Том. Я родилась восьмого июля восемьдесят восьмого года от Великого взрыва. Не того, что создал Вселенную и разметал пыль жизни по всем ее уголкам, — об этом рассказывали учителя с Ковчеха, а того, что разнес половину планеты, превратив оставшийся ошметок в грязный колониальный мир, над которым царствовал в сияющем великолепии Ковчег. Великий взрыв, или Катаклизм.

Не знаю, с чего Том взял, что останется восемь. Макс вообще считал, что нас убьют еще в дезинфекторе. Конечно, он имел в виду в первую очередь меня, остальные его мало заботили. Но верить Максy я не хотела и сейчас просила, чтобы Том оказался прав. Он точно женится на Хане, интересно, они назовут своего первенца в мою честь? Вдруг одна слезинка останется на дне глаз Ханы. Если, конечно, у них родится девочка. Если Хана вообще сможет родить. С этой мыслью я вошла в пасть двери.

Помещение дезинфекционной оказалось чуть больше предыдущего, идеально белое. Дверь сомкнулась за спиной, не оставив даже щели. На полу, ровно в центре, блестела круглая решетка слива.

«Раздеться», — голос в динамике приобрел металлические нотки. Я спешно стянула рубище, которое нам выдали, удерживая за зубами вопрос, зачем тогда нужно было переодеваться. «В печь». Слева открылось маленькое окно. Я бросила туда вещи, пламя вырвалось со

всех сторон разом, окошко закрылось. Часть меня сгорела в этом огне вместе с жалкими тряпками. «Встать в центр». Я встала над сливом. Из стен и потолка появились гибкие шланги. Струи воды ударили по коленям, плечам, спине, шее, животу, груди. Я не удержалась на ногах, лоб впечатался в белый пол, в голове словно что-то разорвалось яркой вспышкой, перед глазами замаячили круги. Струя била и била, горячая, беспощадная, с резким запахом. Дезинфекционная заполнилась паром, стены поплыли. Я силилась встать, упиралась локтями, подтягивала ноги. Казалось, острые ножи режут кожу, а я вся сплошь открытая рана, разъедаемая солью. Я плакала смесью слез и дезинфекционного средства, кашляла, расчесывала родинку на пояснице, она особенно горела. И просила перестать. На миг мне послышался мамин голос: «Что бы тебе ни уготовили, терпи».

«Я хочу к маме...»

Едкий пар вытеснял из груди чувства, я наполнялась его ядом. Мама отдала меня распределителям. Скорее всего, во время первого забора анализов она подкупила медиков. Чем можно подкупить ни в чем не нуждающихся обитателей Ковчега? Телом, худым и изможденным? Скупой лаской, ведь на большее она не способна? Чем-то сумела. Тогда пропало обручальное кольцо — единственная память об отце. Мать не стала кричать по своему обыкновению, лишь поджала губы. Она продала нас обоих — папу и меня. В один день. Мама знала, что результат положительный, потому что выторговала его. Сделала все, чтобы я убралась как можно дальше от нее и мальчиков.

И все-таки я звала ее, захлебываясь вонью и рыданиями. Струя попала в рот, я ощутила, как легкие наполняются мерзкой сладостью. Задохнуться мне не дали, стена напротив раздвинулась, пропуская двоих в черных шлемах. Они подхватили меня под руки, понесли. Голова болталась, тяжелые веки не желали моргать, мир слепил, перед глазами словно вились мошки. Меня качало на белых волнах. На самом деле это были стены,

потолок, пол, но все колыхалось, переливалось, теряло границы.

Я не могла определить, где я, что со мной. Дезинфекция выжгла слизистую носа, я не чувствовала запахов, возможно, ничем и не пахло вовсе. Голову щипало сильнее всего, я попыталась почесать затылок, но не смогла пошевелиться и скосила глаза. Руки и ноги крепко привязаны. Я полулежала на высоком кресле, утопая в нем, мягком и широком. Чтобы хоть как-то унять зуд, поерзала, помотала головой из стороны в сторону. Не помогло. Хватка чуть ослабла, вырваться и бежать было некуда. Глаза перестали слезиться, и я смогла разглядеть черные глянцевые шлемы и свое испуганное отражение в них. Длинный нос, шрам под губой, еще малышкой я упала прямо на рот и долго потом пересчитывала языком оставшиеся молочные зубы, огромные глаза на худом лице. В отражении не видно, что они темно-голубые, почти синие. Какой-то непривычно высокий, бесконечный лоб. Стоп! Я лысая? Где мои волосы? Вечно спутанные, торчащие в разные стороны, раздражающие маму, черные волосы смыла дезинфекция! Вопль застрял в горле, оно саднило и горело. Единственное чувство, которое не покинуло и не подвело, — осязание. В маленьком, слепящем светом помещении, куда меня втокнули, было холодно. Голова чесалась не переставая... Чем им помешали мои волосы? Зудящую голову пронзила мысль, от которой я перестала дергаться: я не прошла Распределение. Матери не выплатят вознаграждение, потому что я не попала в число счастливиц.

— Курс на Ковчег! — ударил по ушам мужской голос. — Набранная высота — семь тысяч метров. Стыковка ожидается через десять минут. Проверить удерживающие устройства.

Мы летели, сиденье подо мной слегка вибрировало, рядом кто-то шумно дышал. Я не одна, и я в транспортнике, который набирает высоту. Нас везут на Ковчег, значит, я все же прошла. Мама порадует. Разглядеть внутренность транспортника не удавалось, зрение отказывалось восстанавливаться.